

Е Чанцзянь небрежно ответил:

— Живу на чужом иждивении. Ем твоё, живу у тебя, учусь у тебя.

Тан Ханьюй сказал:

— Тётя говорила, что ты тоже чуть не умер.

Он затем громко закричал:

— Я не буду никому обязан! Если у тебя есть какие-то требования, скажи их сейчас, я выполню, и после этого мы будем квиты!

Е Чанцзянь равнодушно произнёс:

— У меня нет других требований. Если ты станешь немного благоразумнее, то это уже будет благодатью.

Тан Ханьюй застыл на месте, услышав его тихий смешок.

Е Чанцзянь продолжил:

— Тан Ханьюй, ты — надежда следующего поколения клана Танмэнь. Сможешь ли ты проявить дух Клана Меча Танмэнь?

— Сможешь ли ты сделать так, чтобы, услышав твоё имя, люди думали: «О, это выдающийся представитель Клана Меча Танмэнь этого поколения», а не: «Это тот самый невоспитанный повеса из Танмэнь»?

— Тебе не нужно считать людей слишком хорошими, но и не стоит думать о них слишком плохо. Тан Цюци и ты — хорошие дети. Его слова искренни, ведь он был подкидышем, жил на чужом иждивении. Ты не поймёшь, насколько это горько.

— Братья по учению должны быть как родные братья. Какую пользу тебе приносит твоя зависть к Тан Цюци?

— Тан Цзянли и я... у нас не будет потомства. Если он в будущем отречётся от должности, наследником патриарха Танмэнь станешь ты. Тан Цюци всегда будет твоей правой рукой. И ты так обращаешься с твоим будущим самым верным помощником?

— Будешь ли ты гнилым деревом или опорой дома — зависит только от тебя.

— Последнее замечание: я не буду презирать тебя из-за твоего происхождения, но и не буду тебя жалеть. Сильные не нуждаются в жалости и не живут, оглядываясь на других. Тан Ханьюй, это ты сам себя презираешь.

Спокойно произнеся эти слова, он развернулся и ушёл.

Тан Ханьюй молча смотрел на своё отражение в Озере Чэн, его мысли бурлили.

На самом деле он хотел сказать:

«Во время жертвоприношения я немного пришёл в себя и услышал, как ты кричал от боли. Ты, такой гордый человек, издал такие звуки — это, должно быть, было очень мучительно? Я

слышал, как ты, отчаянно кричал: "Тан Цзянли, ударь!" Меч, Рассеивающий Душу, — если он попадает в цель, дух рассеивается. С какими чувствами ты тогда позволил старшему брату ударить тебя мечом? И как я могу отплатить тебе за эту милость?»

«Ты прав, я действительно презираю себя. Я ни в чём не могу превзойти других, всегда стремлюсь доказать свою значимость».

Но как он мог сказать всё это вслух?

Тан Ханьюй крепко сжал Лotosовый Клинок, словно только этот меч в его руке мог принести ему утешение.

Е Чанцзянь в спешке ворвался в Бамбуковый двор, закрыл дверь, снял обувь, лёг на кровать и укрылся одеялом — всё это он сделал одним махом.

Едва он перевёл дыхание, как дверь Бамбукового двора открылась, и вошёл Тан Цзянли, держа в руках стопку книг высотой в полчеловека.

Он положил все книги на стол, повернулся к Е Чанцзяню и увидел, что тот тяжело дышит, его щёки покраснелись — явно он только что бежал. Голос Тан Цзянли слегка похолодел:

— Ты выходил?

Е Чанцзянь поспешно замотал головой:

— Нет, нет.

— Почему лицо такое красное?

— Соскучился по тебе.

Е Чанцзянь выпалил это, мысленно похвалив себя: «Какой же я молодец, ха-ха!»

Тан Цзянли спокойно произнёс:

— О.

Его тон слегка повысился:

— О чём ты думал?

Е Чанцзянь начал нести чепуху:

— Ты так красив, и мы проводим вместе столько времени, что я едва могу сдерживать себя. Два мужчины в одной комнате — это как сухие дрова рядом с огнём, понимаешь?

— Тан Цзянли, я думаю, ради твоей чести, ты можешь приходить ко мне через день. Как считаешь?

Тан Цзянли взял несколько книг и положил их у его кровати, бегло взглянул на него и равнодушно сказал:

— Когда ты выздоровеешь, я покажу тебе, что такое настоящие сухие дрова и огонь.

Е Чанцзянь опешил.

Он с невозмутимым видом взял одну из книг и начал её листать, но его уши и шея покраснели.

Тан Цзянли сел за стол и начал просматривать документы, спокойно заметив:

— Ты держишь книгу вверх ногами.

Е Чанцзянь шлёпнул книгу на кровать и, не в силах сдержаться, воскликнул:

— Тан Цзянли, если ты не будешь говорить, никто не подумает, что ты немой!

Его охватил стыд.

Тан Цзянли слегка улыбнулся.

Солнце клонилось к закату.

Е Чанцзянь скучающе листал древние книги о культивации, зевнул и как бы невзначай спросил:

— Тан Цзянли, почему я не вижу книг, где упоминается Искусство Стирания Памяти Духовной Нитью?

Тан Цзянли ответил:

— Искусство Стирания Памяти Духовной Нитью не является техникой Танмэнь.

Е Чанцзянь удивился:

— Это техника какого из кланов культиваторов?

— Клана Юньшань.

Е Чанцзянь сразу подумал, что после объединения Четырёх Великих Кланов они стали как одна семья, и Тан Цзянли мог изучить технику клана Юньшань — в этом не было ничего удивительного. Он подошёл к окну и, глядя на изумрудные листья бамбука, спросил:

— Тан Цзянли, как ты считаешь, каков Тан Цюци?

Тан Цзянли ответил:

— Такой же, как ты.

Е Чанцзянь слегка опешил, затем рассмеялся:

— Он свободолюбив, следует своему сердцу — это мне очень близко.

Тан Цзянли покачал головой:

— Он стремится к справедливости, не задумываясь о последствиях, действует, чтобы сохранить чистую совесть. Слишком легко относится к своей жизни.

Е Чанцзянь сказал:

— Что плохого в том, чтобы ценить справедливость больше, чем жизнь? Не ожидал, что в таком юном возрасте у него уже такая широта души. Это, несомненно, заслуга мудрого и терпеливого наставления старшего брата Тан.

Тан Цзянли просто спокойно произнёс:

— Если Танмэнь окажется в беде, он станет первым из молодого поколения клана, кто бросится на защиту.

В его спокойных словах чувствовалось лёгкое недовольство безрассудством Тан Цюци, но также и одобрение его поступков.

Е Чанцзянь сказал:

— Хотя Тан Ханьюй немного своенравен, у него твёрдый характер. Если случится беда, я думаю, он ни за что не совершит ничего, что опозорило бы дух Танмэнь.

Дело с предателем в Танмэнь — это разлад внутри клана, братоубийственная вражда, или кто-то другой замышляет что-то?

Он посмотрел на далёкие горы, полностью окутанные ярким закатом, слегка улыбнулся и тихо произнёс:

— Четыре Великих Клана, связанные узами крови... Хм.

Долгое разделение неизбежно приводит к объединению, а долгое объединение — к разделению. Мир культивации был слишком спокоен, и некоторые, не желая мириться с обыденностью, начали действовать в тени.

Он холодно усмехнулся.

Тан Цзянли слегка нахмурил свои изящные брови. Он уловил скрытый смысл в словах Е Чанцзяня и сказал:

— Не лезь на рожон.

Е Чанцзянь посмотрел на него искоса:

— На какой рожон? Я только радуюсь вашим раздорам. Чем ожесточённее и кровавее, тем лучше. Я буду спокойно сидеть в стороне и пожинать плоды.

Тан Цзянли сказал:

— Береги себя.

Уловив глубокий смысл его слов, Е Чанцзянь вспомнил, как однажды в Далёких Облаках и Водах Ли Цзюньян говорил, что мир культивации стоит на пороге перемен. Видимо, он не ошибался.

Е Чанцзянь вдруг спросил:

— Тан Цзянли, ты хочешь стать Верховным правителем?

Спустя сто лет после того, как Четыре Великих Клана объединились под предлогом его

свержения, они поставили во главе секту Сердца Юньшань, назвав её патриарха Верховным правителем. С тех пор все важные решения в мире культивации принимались по его указу.

Ожидаемое отрицание не последовало. Е Чанцзянь с удивлением повернулся к нему и увидел, что тот глубоко задумался, словно всерьёз обдумывал значение этих слов.

Е Чанцзянь был поражён:

— Неужели ты действительно хочешь стать этим самым Верховным правителем?

Тогда они действительно станут непримиримыми врагами.

Он смутно почувствовал, что нерешительность Тан Цзянли как-то связана с ним.

Наступило время ужина. В Танмэнь строгие правила, иерархия соблюдается неукоснительно. Тан Цзянли, исполняющий обязанности патриарха, отправился в столовую, чтобы поужинать с членами клана. Он знал, что Е Чанцзянь не любит такие церемонии, поэтому не стал настаивать на его присутствии.

Тан Цюци, наблюдая, как Тан Цзянли молча кладёт закуски в коробку, спросил:

— Старший брат, ты нарушаешь правила?

Тан Цзянли помолчал, затем сказал:

— Он — моё правило.

Тан Цюци вздрогнул, закатил глаза и подумал: «Если я в будущем стану таким же, как вы, это будет ваша вина».

Получив поручение от Тан Цзянли, он взял коробку с едой и отправился в Бамбуковый двор навестить больного.

Тан Цюци был единственным в Танмэнь, кто не ходил с прямой спиной. Его лицо всегда было улыбчивым и беззаботным. Он был красив и обаятелен, поэтому старшие, хотя и ругали его, в итоге оставляли в покое.

Е Чанцзянь сидел рядом и смотрел, как он достаёт из коробки тарелку с ароматной тушёной свининой, и широко раскрыл глаза:

— Тан Цюци, ты нарушаешь правила?

Тан Цюци с улыбкой ответил:

— Это для тебя, а не для меня, так что это не нарушение. Ты должен быть благодарен и съесть всё, желательно вместе с тарелкой, чтобы оправдать добрые намерения старшего брата.